

ВОЙНА И МЫ

АЛЕКСЕЙ ИСАЕВ

Иной 1941

От границы до Ленинграда

Война и мы

Алексей Исаев

**Иной 1941. От границы
до Ленинграда**

«Яуза»

2011

Исаев А. В.

Иной 1941. От границы до Ленинграда / А. В. Исаев — «Яуза», 2011 — (Война и мы)

Летом 1941 года, когда немецкие дивизии продвигались в Прибалтике на 70 км в сутки, могло показаться, что падение Ленинграда лишь вопрос времени, причем считанных недель. Для одних это повод проклинать наше «бездарное командование», проср...шее (говоря словами Сталина) начало войны и расплатившееся за собственные ошибки миллионами солдатских жизней. Другие вспомнят, что ПрибОВО был самым слабым из всех особых округов, что в первые дни войны он подвергся удару сразу двух танковых групп Вермахта, что Красная Армия вела бои на территории с недружественным населением, что именно на северо-западе, под Сольцами, был нанесен самый успешный контрудар 1941 года, что Ленинград все же удалось удержать...Новая книга! ведущего военного историка, основанная на материалах не только отечественных, но и немецких архивов, впервые восстанавливает полную картину боев на Северо-Западном направлении: не одинокий КВ-2, а грандиозное танковое сражение под Расейняем; не стремительный «блицкриг», а позиционные «вердены»; господствующая в небе советская авиация; команда грамотных и ярких штабистов, оставшихся в тени маршала Ворошилова; стремительные контрудары, разрушившие планы агрессоров... Опровергая расхожие мифы и переворачивая прежние представления, это исследование воздает должное подвигу Красной Армии, отстоявшей Ленинград

© Исаев А. В., 2011

© Яуза, 2011

Содержание

Часть первая Свои среди чужих. Оборона Прибалтики	6
«Неравный брак». Группа армий «Север» и Прибалтийский	7
Особый округ	
Под прицелом двух танковых групп	14
22 июня. Черный день календаря	26
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Алексей Исаев

Иной 1941. От границы до Ленинграда

Автор выражает благодарность Н. Власову, Г. Дейчуку, М. Коломийцу, И. Островскому, А. Томзову, Д. Шейну за неоценимую помощь в работе над этой книгой.

Часть первая Свои среди чужих. Оборона Прибалтики

Смещение границы в 1939–1940 гг. на запад практически везде привело части и соединения Красной армии в чужие страны, жившие доселе по своим законам. Отношение к советской власти, поначалу нейтральное и даже восторженное, стало все чаще меняться на отрицательное, а то и прямо враждебное. Наиболее ярко это проявилось в отношении прибалтийских государств. Здесь красноармейцы и командиры Красной армии были без преувеличения «свои среди чужих». Однако с военной точки зрения это были территории, ставшие своего рода буфером на пути к крупному промышленному и политическому центру СССР – Ленинграду.

«Неравный брак». Группа армий «Север» и Прибалтийский Особый округ

СССР отнюдь не считался сильным противником в тот момент, когда Гитлер принял решение о походе на Восток. Вскоре после окончания кампании на Западе в 1940 г., упоенный успехом, Гитлер сказал начальнику штаба Верховного командования Вооруженных сил Германии: «Мы сейчас показали, на что мы способны. Поверьте мне, Кейтель, кампания против России будет детской игрой в сравнении с этим».

Цели и задачи войны против СССР были сформулированы Гитлером 31 июля 1940 г. на совещании в Бергхофе: «Мы не будем нападать на Англию, а разобьем те иллюзии, которые дают Англии волю к сопротивлению. Тогда можно надеяться на изменение ее позиции. [...] Подводная и воздушная война может решить исход войны, но это продлится год-два. Надежда Англии – Россия и Америка. Если рухнут надежды на Россию, Америка также отпадет от Англии, так как разгром России будет иметь следствием невероятное усиление Японии в Восточной Азии». Таким образом, германское руководство искало в сокрушении СССР выход из стратегического тупика. Германия не имела возможности решить судьбу войны вторжением на Британские острова. Непрямое воздействие виделось Гитлеру в уничтожении надежд Англии на победу над Германией даже в дальней перспективе. Одновременно сокрушение последнего потенциального противника на континенте позволяло немцам перенацелить военную промышленность на производство вооружений для морского флота и авиации.

Те же слова были повторены фюрером на совещании в штабе оперативного руководства Вермахта 9 января 1941 г. Он сказал следующее: «Англичан поддерживает только возможность русского вступления в войну. Будь эта надежда разрушена, они бы прекратили войну. Он [Гитлер] не верит в то, что англичане «совершенно спятили с ума»; если бы они не видели больше никакой возможности выиграть войну, они бы ее прекратили. Ведь если они ее проиграют, им уже больше никогда не иметь моральной силы удержать свою империю от распада. Но если они продержатся, если они сумеют сформировать 40–50 дивизий и им помогут США и Россия, для Германии возникнет очень тяжелая ситуация. Это произойти не должно. До сих пор он [фюрер] действовал по принципу: чтобы сделать шаг дальше, надо сначала разбить вражеские позиции. Вот почему надо разбить Россию. Тогда англичане либо сдадутся, либо Германия продолжила бы войну против Великобритании в благоприятных условиях. Разгром России позволил бы японцам всеми своими силами повернуть на США, а это удержало бы США от вступления в войну. Разгром Советского Союза означал бы для Германии большое

облегчение [в войне против Англии]. Тогда на Востоке можно было бы оставить всего 40–50 дивизий, сухопутные силы можно было бы сократить, а всю военную промышленность использовать для нужд Люфтваффе и военно-морского флота»¹. Примерно в том же духе Гитлер высказался в разговоре с командующим группой армий «Центр» фон Боком 2 февраля 1941 г. Последний записал слова фюрера в своем дневнике в следующей формулировке: «Стоящие у власти в Англии джентльмены далеко не глупы и не могут не понимать, что попытка затянуть войну потеряет для них всякий смысл, как только Россия будет повержена». То есть перед нами не вырванное из контекста высказывание, а осмысленная идея, постоянно озвучивавшаяся на совещаниях руководства.

После принятия политическим руководством Третьего рейха летом 1940 г. политического решения о нападении на СССР военное руководство немецких Вооруженных сил начало вести работу по разработке военных планов разгрома советских Вооруженных сил. Наконец, 21 декабря 1940 г. окончательный вариант плана был утвержден фюрером. Он остался в истории как Директива № 21. Гитлер дал ей название «Барбаросса». Общий замысел операции был сформулирован так: «Основные силы русских сухопутных войск, находящиеся в Западной России, должны быть уничтожены в смелых операциях посредством глубокого, быстрого выдвижения танковых клиньев. Отступление боеспособных войск противника на широкие просторы русской территории должно быть предотвращено»².

Направлением главного удара было выбрано московское направление. В Директиве № 21 было сказано:

«Театр военных действий разделяется Припятскими болотами на северную и южную части. Направление главного удара должно быть подготовлено севернее Припятских болот. Здесь следует сосредоточить две группы армий. Южная из этих групп, являющаяся центром общего фронта, имеет задачу наступать особо сильными танковыми и моторизованными соединениями из района Варшавы и севернее ее и раздробить силы противника в Белоруссии».

Таким образом, германские войска, предназначенные для ведения войны с СССР, были разделены на три группы армий: «Север», «Центр» и «Юг». В Прибалтике и на северо-западе России должна была действовать группа армий «Север».

Завершалась Директива № 21 словами: «Я ожидаю от господ главнокомандующих устных докладов об их дальнейших намерениях...». То есть командующим группами армий сформулировали их задачи в общем виде и предлагали им разработать свои детализированные предложения по ведению операций. В течение января 1941 г. был проведен ряд игр на картах и сформулированы идеи, на которых должны были базироваться действия немецких войск на каждом из операционных направлений. Итог всей этой работы был подведен на совещании, состоявшемся в Берлине 31 января 1941 г. На этом совещании фельдмаршал фон Браухич информировал командующих группами армий, что германский план базируется на предположении, что Красная армия даст сражение к западу от линии Западной Двины и Днепра.

Относительно последнего замечания фон Бок скептически отметил в своем дневнике: «Когда я спросил Гальдера, есть ли у него точная информация относительно того, что русские будут удерживать территорию перед упомянутыми реками, он немного подумал и произнес: «Такое вполне может быть». Таким образом, германское планирование с самого начала исходило из некоего предположения, основанного на общих рассуждениях. Действия противника, т. е. Красной армии, могли отличаться от предполагаемых германским высшим командованием. Причем это могло быть обусловлено как объективными причинами, так и субъективными.

¹ Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне «Третьего Рейха» против СССР. Смоленск: Русич, 2000. С. 125.

² 1941 г. Документы. С. 452.

По итогам совещания на свет появился документ, озаглавленный «Директива по стратегическому сосредоточению и развертыванию войск (операция Барбаросса)» от 31 января 1941 г. Задача группы армий «Север» в окончательном варианте звучала следующим образом:

«...уничтожить действующие в Прибалтике силы противника и захватом портов на Балтийском море, включая Ленинград и Кронштадт, лишить русский флот его баз. [...] В соответствии с этой задачей группа армий «Север» прорывает фронт противника, нанося главный удар в направлении на Двинск, как можно быстрее продвигается своим сильным правым флангом, выслав вперед подвижные войска для форсирования р. Западная Двина, в район северо-восточнее Опочки с целью не допустить отступления боеспособных русских сил из Прибалтики на восток и создать предпосылки для дальнейшего успешного продвижения на Ленинград»³.

Для понимания событий в Прибалтике в июне 1941 г. нам здесь важно отметить, что главный удар группы армий нацеливался на Двинск (Даугавпилс). Три подчиненных группе армий «Север» объединения получили следующие задачи:

«4-я танковая группа совместно с 16-й и 18-й армиями прорывает фронт противника между Виштитисским озером и дорогой Тильзит – Шауляй, продвигается к Двине в район Двинска и южнее и захватывает плацдарм на восточном берегу Двины. [...]»

16-я армия во взаимодействии с 4-й танковой группой прорывает фронт противостоящего противника и, нанося главный удар по обеим сторонам дороги Эбенроде – Каунас, стремительным продвижением своего сильного правого фланга за танковым корпусом выходит по возможности быстрее на северный берег р. Западная Двина у Двинска и южнее его. [...]

18-я армия прорывает фронт противостоящего противника и, нанося главный удар вдоль дороги Тильзит – Рига и восточнее, быстро форсирует своими главными силами р. Западная Двина у Плявинаса и южнее, отсекает находящиеся юго-западнее Риги части противника и уничтожает их. В дальнейшем она, быстро продвигаясь в направлении Пскова, Острова, препятствует отходу русских войск в район южнее Чудского озера...»⁴.

В документе особо отмечалось «Важно заблаговременно захватить главнейшие балтийские порты»⁵.

Командующим группой армий «Север» был назначен фельдмаршал Вильгельм фон Лееб. В кампании 1940 г. он возглавлял группу армий «С» на вспомогательном направлении. Никаких глубоких танковых прорывов в полосе его группы армий не было. Войска фон Лееба наступали на линию Мажино.

Танковая группа Гепнера была самой слабой из четырех танковых групп, выделенных для нападения на СССР. В ней было только три танковых и три моторизованных дивизии в двух танковых (моторизованных) корпусах – XXXXI и LVI PzK. Причем из трех танковых дивизий две были вооружены танками чехословацкого производства. Однако в составе 4-й танковой группы была настоящая «жемчужина» – дивизия из звездной команды кампании во Франции. Это была 1-я танковая дивизия, которая была лидером наступления XIX корпуса Гудериана в мае 1940 г. Именно она прорывалась под Седаном через «продолжение» линии Мажино. Та команда перед походом на Восток была растащена между разными направлениями. Только 1-я танковая дивизия была в первой линии. Две другие дивизии XIX корпуса 1940 г. были в резерве. 10-я танковая дивизия была в резерве танковой группы в Белоруссии, 2-я танковая дивизия – в резерве Верховного командования. Моторизованный полк «Великая Германия» также был отделен от 1-й танковой дивизии, бок о бок с которой он наступал во Франции.

³ Дашинцев В. И. «Совершенно секретно! Только для командования!» Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. М.: Наука, 1967. С. 163–164.

⁴ Дашинцев. Указ. соч. С. 164.

⁵ Там же.

1-я танковая дивизия была сформирована в Германии одной из первых и к 1941 г. оставалась на острие прогресса. Сделав большой шаг вперед в формировании самостоятельных механизированных соединений и к их сбалансированному составу, немцы были на пути к новой тактике. Важным дополнением к танкам стали БТРы. Они не могли выжить на поле боя под огнем противотанковых пушек. Однако БТРы защищали пехоту от разрывов снарядов и бомб (за исключением маловероятных прямых попаданий, разумеется). Соответственно в танковой дивизии формировалась так называемая «бронегруппа» из танков и мотопехоты на БТР. Такая группа могла преодолевать заградительный огонь артиллерии и прорываться вместе с танками в глубину обороны, обеспечивая в атаке поддержку танков, захватывая и удерживая ключевые пункты на местности. Также «бронегруппа» была практически неуязвима для дезорганизованного противника, у которого осталось только стрелковое оружие. Окончательно тактика «бронегрупп» сформировалась во второй половине войны, когда помимо БТРов появились САУ, в том числе гаубичные «Веспе» и «Хуммель». Танки и БТРы получили поддержку артиллерии, которая могла пробиваться вместе с ними через заградительный огонь артиллерии. В 1941 г. бронированными САУ были самоходки на шасси Pz.I со 150-мм тяжелым пехотным орудием. Их в 1-й танковой дивизии было 6 штук.

Командующий группой армий «Север» фон Лееб

К началу войны с СССР 1-я танковая дивизия была одним из немногих соединений, которые могли формировать полноценные «бронегруппы». В ней было два батальона мотопехоты, полностью оснащенные БТР «Ганомег». Один батальон на БТР «Ганомег» был в 10-й танковой дивизии в группе армий «Центр». В остальных германских танковых дивизиях было в лучшем случае по одной роте на БТРах, пригодной только для мелких тактических задач. В некоторых из танковых дивизий Вермахта на Восточном фронте БТРов в мотопехотных полках не было вовсе. В 1-й танковой дивизии было 125 БТРов всех типов.

Однако если танковая дивизия генерала Кирхнера была едва ли не самым сильным соединением германских танковых войск, то 2-я танковая дивизия XXXXI моторизованного корпуса была явным аутсайдером. 6-я танковая дивизия генерал-майора Франца Ландграфа оснащалась трофейными чехословацкими танками 35(t). Служивший в тот момент в этом соединении известный немецкий военачальник Эрхард Раус вспоминал:

«Генерал-майор Франц Ландграф прекрасно понимал слабость своего соединения, поэтому с самого начала он не рисковал использовать танки массированно и предпочитал придавать их пехотным батальонам. Сами по себе танки PzKpfw35(t) были просто беззащитны перед русскими танками и противотанковыми орудиями, о силе которых мы уже знали. Эти факты заслуживают особого упоминания потому, что именно этим объясняется принципиальное отличие тактики наших частей от тактики других танковых дивизий, поскольку во всей германской армии лишь 6-я танковая была вооружена этими устаревшими машинами»⁶.

Единственным достоинством чешских трофеев был малый вес, позволявший использовать их на маршрутах с мостами небольшой грузоподъемности. Раус продолжал:

«...следует отметить, что PzKpfw.35(t) обладал определенными преимуществами при использовании на русской территории. Он имел малый вес, хорошую маневренность и мог переходить мосты, которые выдерживали нагрузку не более 8,5 тонны»⁷.

Действительно, инженерное обеспечение танка весом 8,5 тонны несравнимо с таковым обеспечением соединения или части на танках весом в 40–50 тонн или даже 30 тонн. Однако не следует считать дивизию Ландграфа вовсе беспомощной. Это было многочисленное моторизованное соединение с сильной артиллерией. Собственно, артиллерия могла обеспечить использование даже откровенно слабых танков, выбивая противотанковую артиллерию противника.

Состояние танкового парка 4-й танковой группы к началу войны с СССР

	Pz.II	Pz.III	Pz.IV	Pz.35(t)	Pz.38(t)	Pz.Bef	Всего
1-я ТД	43	71	20	—		11	145
6-я ТД	47		30	155		13	245
8-я ТД	49		30	—	118	15	212

Следует отметить, что все танки Pz.III в 1-й танковой дивизии были новейшего типа с 50-мм орудиями. Практика показала, что эти пушки способны с 200 м пробивать броню КВ подкалиберным снарядом. Также в дивизии Кирхнера было 15 танков Pz.I в саперном батальоне, который в литературе иногда не учитывали в составе дивизии, т. к. «единички» не числились в танковом полку соединения.

⁶ Раус Э. Танковые сражения на Восточном фронте. М.: АСТ, 2005. С. 48–49.

⁷ Раус Э. Указ. соч. С. 49.

Второй танковый корпус 4-й танковой группы, LVI PzK, примечателен прежде всего тем, что им командовал Эрих фон Манштейн, впоследствии ставший одним из самых известных немецких военачальников. Корпус начал наступление в двухдивизионном составе. Его главной ударной силой была 8-я танковая дивизия, вооруженная танками 38(t) чехословацкого производства.

Две полевые армии, наступавшие в Прибалтике в составе группы армий «Север», обычно остаются в тени прорывов танковой группы. Однако именно они составляли большую часть ее численности. Согласно данным о среднемесячной численности армий, объединения ГА «Север» характеризовались следующими величинами:

- 18-я армия – 184 249 человек;
- 16-я армия – 225 481 человек;
- 4-я танковая группа – 152 285 человек.
- Итого – 562 015 человек.

Рассекавшиеся танковой группой советские армии в дальнейшем перемалывались шагавшей за танками пехотой полевых армий. Это было характерно не только для Прибалтики, но и для всего советско-германского фронта.

С группой армий «Север» должен был взаимодействовать 1-й воздушный флот генерал-полковника А. Келлера. Он был самым малочисленным из воздушных флотов, выделенных для проведения «Барбароссы». В составе 1-го ВФ был только один I авиакорпус, предназначенный для поддержки действий 16-й и 18-й армий, а в особенности 4-й танковой группы. Он насчитывал 412 самолетов (из них 341 исправный). Всего же с учетом войсковой авиации в подчинении 1-го воздушного флота было 675 самолетов разных типов. Организационно I авиакорпус разделялся на 9 групп бомбардировщиков (примерно 270 самолетов), 3 2/3 групп истребителей (110 самолетов), 5 эскадрилий дальних разведчиков (50 самолетов), 1 группу транспортной авиации (30 самолетов). Соответственно армейская авиация была представлена 4 эскадрильями дальних разведчиков (40 самолетов), 11 эскадрильями ближних разведчиков (110 самолетов) и 3 связными эскадрильями (30 самолетов).

Однако, несмотря на общую слабость, 1-й воздушный флот отличался от своих соседей качественным составом своей ударной авиации. На вооружении бомбардировочных эскадр KG1, KG76 и KG77 состояли новые Ю-88, а не старички Хе-111 или даже «карандаши» До-17.

Также необходимо ответить, что к началу войны часть полосы Прибалтийского Особого военного округа находилась в полосе наступления 9-й армии и 3-й танковой группы соседней группы армий «Центр». Это в еще большей степени ухудшало положение войск Красной армии в Прибалтике. Это касалось не только пехоты и танков, но и авиации. По крайней мере, в первый день войны ВВС ПрибОВО, помимо I авиакорпуса, также противостоял VIII авиакорпус 2-го воздушного флота (подчиненного группе армий «Центр»). Это прибавляло к силам 1-го воздушного флота еще около 560 боевых самолетов, существенно менявших баланс сил сторон в воздухе.

Под прицелом двух танковых групп

Прибалтийский военный округ был создан 11 июля 1941 г. для защиты морских и сухопутных границ Советского Союза и обеспечения безопасности новых Советских республик. Первоначально в его состав были включены только войска, дислоцировавшиеся на территории Латвийской и Литовской республик. Приказом НКО № 0190 от 17 августа 1940 г. округ был переименован в Прибалтийский Особый военный округ (ПриБОВО) с включением в него территории Эстонской ССР. Одновременно национальные армии прибалтийских государств были переформированы в 22, 24 и 29-й территориальные стрелковые корпуса Красной армии. С началом боевых действий Прибалтийский Особый военный округ становился Северо-Западным фронтом.

Советские войска в Прибалтике в наибольшей степени зависели от того, какой будет избран вариант развертывания, «северный» или «южный». В случае выбора «северного» варианта Северо-Западный фронт получал амбициозную задачу: «По сосредоточении войск, атаковать противника с конечной целью, совместно с Западным фронтом нанести поражение его группировке в Восточной Пруссии и овладеть последней»⁸. Наряд сил на ее решение по «Соображениям...» сентября 1940 г. предусматривался следующий:

- «30 стрел. дивизий, из них 6 национальных;
- 2 мотодивизии;
- 4 танковых дивизии;
- 2 отд. танковых бригады;
- 20 полков авиации, а всего 1140 самолетов»⁹.

По «южному» варианту задачи были куда скромнее: оборонять побережье, прикрыть минское и рижско-псковское направления, не допустить вторжения на советскую территорию. Наступление предполагалось с куда менее амбициозными целями, чем сокрушение Восточной Пруссии: «С целью сокращения фронта 11 Армии и занятия ею более выгодного исходного положения для наступления, в период сосредоточения войск, во взаимодействии с 3 Армией Западного фронта, овладеть районом Сейны, Сувалки и выйти на фронт Шиткемен, Филипово, Рачки». Дальнейшая задача носила вспомогательный характер: «Сковать силы немцев в Восточной Пруссии».

Пропорционально сокращению масштаба решаемых задач сокращался наряд сил:

- «17 стрел. дивизий;
- 4 танковых дивизии;
- 2 мотострелковых дивизии;
- 2 танковых бригады;
- 20 полков авиации»¹⁰.

Как мы видим, количество выделяемых фронту стрелковых дивизий сокращается почти вдвое. Однако наряд сил подвижных соединений и сил авиации остается прежним. В Прибалтике по обоим вариантам предполагалось задействовать 3-й мехкорпус ПриБОВО и 1-й мехкорпус из Ленинградского округа.

К весне 1941 г. советское военное планирование остановилось на «южном» варианте. Согласно «Соображениям...» от 15 мая 1941 г., Северо-Западный фронт попал в «...и прочие», его задачи проходили по пункту «вести активную оборону против Финляндии, Восточной Пруссии, Венгрии и Румынии».

⁸ 1941 г. Документы. Книга первая. С. 245.

⁹ Там же. С. 244–245.

¹⁰ 1941 г. Документы. Книга первая. С. 242.

По записке Ватутина от 13 июня 1941 г. Северо-Западный фронт должен был принять участие в первой операции, имея в своем составе «23 дивизии, из них: сд – 17, тд – 4, мд – 2 и осбр – 1»¹¹. Однако на этот раз ни о каком 1-м мехкорпусе из Ленинградского округа не было и речи. Фронт должен было опираться на два своих мехкорпуса: 3-й и сформированный весной 12-й.

На земле... С формальной точки зрения к началу войны в Прибалтийском Особом военном округе было даже чуть больше соединений, чем предусматривалось предвоенными планами первой операции. В подчинении округа находились 19 стрелковых дивизий, 2 мехкорпуса (4-я тд, 2-я мд), 1 стрелковая бригада (на Сааремаа) и даже 1 воздушно-десантный корпус. Они объединялись управлениями трех армий: 8, 11 и 27-й.

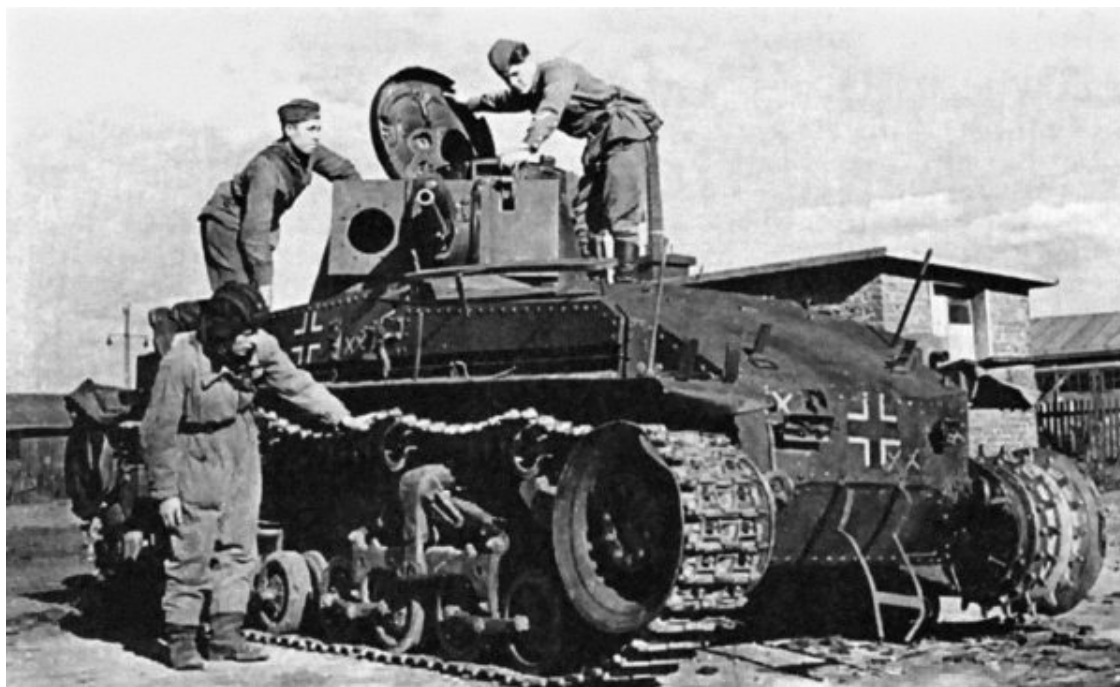
8-я армия генерал-майора П. П. Собенникова состояла из двух стрелковых корпусов: 10-го (10-я и 90-я стрелковые дивизии) и 11-го (48-я и 125-я стрелковые дивизии), а также 12-го механизированного корпуса. С началом военных действий в ее оперативное подчинение поступали два укрепленных района (УР), 9-я артиллерийская противотанковая бригада, а также 7-я смешанная авиационная дивизия (САД).

Соответственно 11-й армии генерал-лейтенанта В. И. Морозова были подчинены 16-й стрелковый корпус (5, 33 и 188-я стрелковые дивизии) и 29-й стрелковый корпус (179-я и 184-я стрелковые дивизии), 23, 126 и 128-я стрелковые дивизии (подчиненные непосредственно 11-й армии), а также 3-й механизированный корпус. Средняя укомплектованность стрелковых дивизий армии генерала Морозова составляла от 9201 до 11 260 человек. Исключение составляли соединения 29-го территориального стрелкового корпуса. Они содержались по штатам сокращенного состава и насчитывали: 179-я – 5947 и 184-я – 5994 человека. В значительной степени это объяснялось недоверием к национальным кадрам. С началом военных действий в оперативное подчинение армии передавались два УРа, 10-я ПТАБР и 8-я САД.

Самым сильным в ПрибОВО был 3-й механизированный корпус генерал-майора А. В. Куркина. Последний известный нам доклад о состоянии 3-го мехкорпуса был подготовлен 25 апреля 1941 г. В целом мехкорпус Куркина, как относившийся к первой волне формирования, был укомплектован хорошо¹². Однако новых танков в нем было немного. Всего их было 109 машин – 50 Т-34 в 5-й танковой дивизии и 59 КВ во 2-й танковой дивизии. По типам новые танки распределялись следующим образом. Из 50 Т-34 30 машин были вооружены 76,2-мм пушкой Л-11, а 20–76,2-мм пушкой Ф-34. Из 59 КВ 32 танка были вооружены Л-11; 7 танков – Ф-32 и 20 танков – 152-мм гаубицей М-10Т, т. е. это были КВ-2. Танки КВ-2 3-го мехкорпуса были ранних серий, с установкой МТ-1 и высокой башней. До весны 1941 г. в 5-й танковой дивизии было 20 КВ с Ф-32, но по распоряжению Жукова их изъяли и отправили в Белоруссию, в 6-й мехкорпус.

¹¹ Там же. С. 359.

¹² Подробные данные об укомплектованности мехкорпусов ПрибОВО см. в Приложении.

В докладе обращают на себя внимание следующие вещи. Во-первых, это наличие в боекомплекте соединения бронейных снарядов. Как покажут дальнейшие события, для 3-го мехкорпуса их наличие было особенно актуально. Если 45-мм бронейных снарядов было даже в избытке (в три раза больше штата), то 76-мм бронейные снаряды отсутствовали вовсе. Более того, в докладе стоит пометка об отсутствии в мехкорпусе выстрелов к танковой 76,2-мм пушке Л-11. Это подтверждает также ведомость наличия боеприпасов во 2-й танковой дивизии. Напротив графы «76 мм выстрелы к тяж. танк.» стоит красноречивый «0»¹³. Чуть лучше была ситуация в 5-й танковой дивизии. Бронейных снарядов к 76,2-мм пушкам дивизия не имела вовсе. Однако имелось 159 осколочно-фугасных и 29 шрапнельных выстрелов к пушке обр. 1902 г. Шрапнелью, поставленной на удар, можно было даже стрелять по танкам. Но в итоге на 50 Т-34 было меньше двух сотен 76,2-мм снарядов, примерно по четыре на танк. Ситуация, прямо скажем, чудовищная. Теоретически к пушкам Л-11 и Ф-32 подходили выстрелы от 76,2-мм дивизионных орудий, но в штате 1941 г. в танковых дивизиях таких пушек не было. Дивизионные «трехдюймовки» были в моторизованной дивизии, но она дислоцировалась в другом месте. Также к орудиям КВ и Т-34 подходили 76,2-мм выстрелы от полковой пушки обр. 1927 г. и пушки танка Т-28. Но их использование сводило к нулю преимущества длинноствольного орудия новых танков. Конечно, с 25 апреля до 22 июня ситуация могла улучшиться, но далее нам еще придется вернуться к этому вопросу при описании боевых действий.

¹³ ЦАМО РФ, ф. 38, оп. 11353, д. 898, л. 179.

Ситуация с боеприпасами к танкам КВ-2 была лучше, хотя бы за счет наличия 152-мм гаубиц М-10 в танковой дивизии. Служивший в начале войны в 3-м мехкорпусе танкист Осадчий в своих воспоминаниях писал: «Танки КВ с пушкой калибра 152 мм и 30 бетонобойными и осколочно-фугасными снарядами были громоздкими, и это лишало их главного преимущества – маневра и огня». Не следует воспринимать его слова буквально. На 25 апреля 1941 г. в 3-

м мехкорпусе не было ни единого бетонобойного снаряда. Зато 152-мм осколочно-фугасные выстрелы имелись в избытке.

Второй момент, который обращает на себя внимание, – это характер эксплуатации новой матчасти и распределение обученных водителей. Далеко не все танки постоянно эксплуатировались. Причем это не было прерогативой Т-34 и КВ. Такой же принцип исповедовался в отношении танков всех типов (см. таблицу).

Состояние и характер использования танков 3-го мехкорпуса¹⁴

	Имеется	В ремонте на заводе	В ремонте в части	На консервации	В эксплуатации
КВ	59	—	1	50	8
Т-34	50	—		44	6
Т-28	58	14	14	19	11
БТ	525	18	47	251	88
Т-26	49	8	6	11	18
Т-27	47	—	10	—	35

Из таблицы хорошо видно, что большая часть техники находилась на консервации. С одной стороны, это сохраняло и без того невеликий моторесурс новых танков. С другой стороны, обучение водителей велось только на части штатных танков, а основной «рабочей лошадкой» были танкетки Т-27. Пересаживаться с них на КВ было непростым делом. Тем не менее 3-й мехкорпус мог похвастаться далеко не худшими кадрами механиков-водителей (см. таблицу).

Сводная ведомость количества моточасов по вождению механиков-водителей по дивизиям 3-го мехкорпуса на 24 апреля 1941 г.¹⁵

Соединение	Имеют вождения (часов)				
	до 2 ч	до 3 ч	до 5 ч	до 10 ч	выше 10 ч
2-я тд	54	79	47	89	202
5-я тд	210	94	57	52	151
84-я мд	—	—	43	88	251

Как мы видим, во 2-й танковой дивизии было немало опытных водителей. В этом соединении было кого посадить за рычаги КВ-1 и КВ-2. Гораздо хуже была ситуация в 5-й танковой дивизии.

Важным решением, принятым в апреле 1941 г., было формирование десяти противотанковых бригад (ПТАБР), вооруженных мощными 76-мм дивизионными и 85-мм зенитными орудиями. Однако сформировать за несколько недель полноценные соединения не удалось. Бичом ПТАБР по состоянию на начало войны была нехватка автотранспорта и тягачей. В ПрибОВО формировались две такие противотанковые бригады. Одна находилась в подчинении штаба 8-й армии (9-я ПТАБР), вторая – в подчинении 11-й армии (10-я ПТАБР). В 9-й ПТАБР по состоянию на утро 22 июня на 2453 человека имелось всего 84 грузовика. Скорее всего в качестве тягачей использовались в бригаде полковника Полянского танкетки Т-27. Их было 37 штук, в одном полку 17, в другом – 18.

Строительство укреплений на границе началось в Прибалтике позже других направлений и поэтому находилось в зачаточной стадии. По свидетельству помощника начальника отдела Инженерных войск Ленфронта майора Захарьина, принимавшего в 1941 г. участие в работах по строительству оборонительного рубежа на госгранице, укрепление границы Литовской ССР с Германией началось лишь с весны 1941 г. На всем протяжении от Паланги (побережье Балтийского моря) до р. Неман на границе Литовской и Белорусской ССР было организовано

¹⁴ ЦАМО РФ, ф. 38, оп. 11353, д. 898, л. 189.

¹⁵ ЦАМО РФ, ф. 38, оп. 11353, д. 898, л. 163.

восемь УНС (управлений начальника строительства) с фронтом 20–40 км. Каждое управление имело 3–5 участков военно-строительных работ (ВСУ) со строительной программой в 40–50 железобетонных долговременных фортификационных сооружений. Срок окончания строительных работ назначался на осень 1941 г. с производством монтажных работ зимой 1941/42 г. и полным окончанием работ к весне 1942 г. Майор Захарьин работал инженером-фортификатором УНС-3, а поэтому дает характеристику хода работ в рамках всего строительства.

УНС-3 производило строительство на участке границы Литовской ССР с Германией, запирающем направление из р-на Сувальской области на Лаздний, Каунас. Чтобы дать представление о состоянии строительства, остановимся на ряде развертывания работ УНС-3, которое является до некоторой степени типичным и для всех остальных УНС.

УНС-3 и входящие в него три участка были в основном сформированы к 15.03.41 и 20.03.41 прибыли в г. Лаздний. С первых чисел апреля они развернулись на своих местах и с помощью местного населения приступили к заготовке строительных материалов (сбор камня и вывозка его к дорогам). В начале мая в УНС-3 прибыли два строительных б-на и начали поступать механизмы, инструменты и материал. К концу мая на участках были организованы стройдворы и начали работать камнедробилки, а на двух участках приступили к земляным работам. Лишь в первых числах июня 1941 г. на всех участках были развернуты основные работы на объектах.

Как уже упоминалось, в составе УНС-3 было создано три ВСУ. Фронт каждого составлял приблизительно 7 км с глубиной 5–6 км. В каждом из них было намечено строительство 40–50 долговременных железобетонных сооружений и в районе Ляздний – подземное железобетонное сооружение – КП. Передний край обороны был выбран вплотную к госгранице, передовые фортификационные сооружения отстояли от границы на 50–200 м и благодаря открытой местности полностью просматривались со стороны противника. Строительство началось по всему фронту управления и по всей глубине участка.

В результате к 15 июня 1941 г. на каждом участке имелось по 6–9 забетонированных сооружений, находящихся еще в опалубке, без амбразур и вооружения. 16 июня 1941 г. была получена директива о срочном (в течение 10 дней) приведении в боевую готовность забетонированных сооружений путем закладки амбразурных проемов мешками с землей, заделкой их деревом и установки в них вооружения полевого типа. УНС-3 приступило к этой работе, продолжая одновременно бетонирование новых объектов. Всего в результате проведенных работ на 22 июня 1941 г. было забетонировано 23 сооружения, но они еще находились в опалубке, не были закончены, не имели вооружения и в довершение всего не были заняты войсками.

В небесах... ВВС ПрибОВО состояли из пяти авиадивизий: 4-й САД комбрига А. Н. Соколова, 6-й САД полковника И. Л. Федорова, 7-й САД полковника П. М. Петрова, 57-й САД полковника К. А. Катичева и 8-й САД полковника В. А. Гущина. Из них три (6, 7 и 8-я САД) предназначались для обеспечения действий трех армейских объединений, а еще две (4-я и 57-я САД) подчинялись непосредственно командованию ВВС округа. Всего ВВС округа насчитывали, по разным данным, около 1200 боевых самолетов. В одном из документов приводилась даже цифра 1366 самолетов, но с учетом машин корпусной авиации. Однако последнее предвоенное донесение штаба ВВС ПрибОВО от 17.00 21 июня 1941 г. о наличии исправной матчасти дает куда более скромные цифры:

- 4-я САД – 43 истребителя и 108 бомбардировщиков;
- 6-я САД – 96 истребителей и 109 бомбардировщиков;
- 7-я САД – 92 истребителя и 88 бомбардировщиков;
- 8-я САД – 192 истребителя и штурмовика;
- 57-я САД – 107 истребителей и 38 бомбардировщиков.

Итого – 530 истребителей и штурмовиков и 343 бомбардировщика¹⁶.

Соответственно на это количество боеготовых самолетов имелось летчиков (экипажей): 359 истребителей, 381 бомбардировщик и 50 штурмовиков. Легко видеть, что далеко не все самолеты были обеспечены боевыми экипажами.

Так же как и в других округах, весной 1941 г. на аэродромах ПриОВО развернулось строительство бетонных ВПП. К 1 июня 1941 г. на всех 23 запланированных к оборудованию новой полосой аэродромах приступили к устройству корыт, бетонные работы были начаты на 5 аэродромах.

Не следует думать, что о защите аэродромов вообще не думали. Другой вопрос, что не было проявлено должной настойчивости. В отчете по итогам боевой деятельности 57-й САД указывалось: «За семь дней до войны части приступили к постройке земляных убежищ для самолетов, но этому новому мероприятию командирами частей не уделялось должного внимания и убежища к началу войны полностью построены не были»¹⁷.

Тем не менее к началу войны аэродромы ПриОВО было трудно назвать «спящими». Согласно последней предвоенной оперсводке штаба ВВС ПриОВО, «в каждом полку одна эскадрилья находится в готовности № 2»¹⁸. Готовность № 2 обеспечивала взлет истребителей летом через 2–3 мин. Немедленный взлет обеспечивала готовность № 1.

...и на море. Фланг Прибалтийского Особого военного округа примыкал к Балтийскому морю. Поэтому целесообразно хотя бы вкратце коснуться задач Красного флота на Балтике в военное время. Они были очерчены в директиве народного комиссара ВМФ адмирала Н. Г. Кузнецова от 26 февраля 1941 г. КБФ должен был:

«... – не допустить морских десантов противника на побережье Прибалтики и на острова Эзель и Даго;

– совместно с военно-воздушными силами Красной Армии нанести поражение германскому флоту при его попытках пройти в Финский залив;

– не допустить проникновения кораблей противника в Рижский залив;

– содействовать сухопутным войскам, действующим на побережье Финского залива и на полуострове Ханко, обеспечивая их фланги и уничтожая береговую оборону противника;

– быть в готовности обеспечить переброску одной стрелковой дивизии с побережья Эстонии на полуостров Ханко;

– действиями флота в сочетании с оборонительными минными постановками, а также постановкой подводными минными заградителями минных банок на подходах к портам и базам, а на внутренних фарватерах – авиацией – затруднить развертывание и действия сил флота противника»¹⁹.

Нельзя не отметить, что в этом перечне нет ни слова о нарушении коммуникаций противника. С началом военных действий планировалась постановка оборонительных минных заграждений и создание в Финском заливе трех минно-артиллерийских позиций. Насколько это соответствовало обстановке? Уже после войны бывший начальник штаба КБФ адмирал Ю.А.Пантелеев писал:

«Флот [...] готовился годами к войне на море, прежде всего:

а) к действиям на коммуникациях;

б) к бою на минно-артиллерийской позиции в устье Финского залива;

в) к обороне военно-морских баз с моря;

¹⁶ ЦАМО РФ, ф. 221, оп. 1374, д. 11, л. 4.

¹⁷ ЦАМО РФ, ф. 20120, оп. 1, д. 9, л. 4.

¹⁸ ЦАМО РФ, ф. 221, оп. 1374, д. 11, л. 4.

¹⁹ Платонов А.В. Трагедии Финского залива. М.: Эксмо, 2005. С. 14–15.

г) к противодесантной обороне островов Моонзунд. Получилось все наоборот и по вариантам, которые никогда не рассматривались ни в Академии, ни в Главморштабе, ни на флоте...»²⁰.

Командующий Прибалтийским особыми округом Ф.И. Кузнецов

Стратегия КБФ предполагалась сугубо оборонительная, даже с некоторым преувеличением возможностей противника. Конечно, решительный прорыв к Осло в Норвежской кампании продемонстрировал наступательный потенциал Кригсмарине. Но повторение этого в войне СССР было все же маловероятно. Тем не менее морские десанты стали пугалом как на Балтике, так и на Черном море. Для противодесантной обороны в районе Лиепайи располагалась 67-я стрелковая дивизия генерал-майора Н. А. Дедаева, подчиненная не 8-й, а 27-й армии. Задачей дивизии была оборона побережья, в связи с этим один ее полк был в Вентспилсе. Возможно, она была бы полезнее на границе, для сужения чудовищной полосы обороны 10-й стрелковой дивизии.

²⁰ Страшная цена победы... С. 300.

Генерал-майор Н. А. Дедаев

Иногда на флот проецируют наступательную стратегию Красной армии, что не совсем верно. В рамках этих соображений утверждается, что Лиепая была вынесенным вперед сосредоточением запасов Балтийского флота – топлива всех видов, мин, минных защитников и пр. В действительности основные запасы топлива находились в районе Кронштадтской военно-морской базы. Так, например, мазута в Лиепе было впятеро меньше, чем в Кронштадте. При этом еще до войны были приняты меры по вывозу топлива из передовой базы. По состоянию на 1 марта 1941 г. в Лиепе было всего 4 % запаса мин КБФ (493 из 12 777) и ни одного минного защитника²¹.

Для Прибалтийского округа приморский фланг был головной болью, оттягивал дополнительные ресурсы на противодесантную оборону. Помимо 67-й стрелковой дивизии на острове Сааремаа была расквартирована сформированная в 1940 г. 3-я отдельная стрелковая бригада. Она также подчинялась 27-й армии.

²¹ Платонов А.В. Указ. соч. С. 22.

Последние мирные дни. Непосредственно у государственной границы находились от Балтийского побережья до Аугсгаллен: 10, 90 и 125-я стрелковые дивизии 8-й армии, от р. Неман до Копциowo – 5, 33, 188 и 128-я стрелковые дивизии 11-й армии. Следует подчеркнуть, что в массе своей эти соединения еще находились в лагерях, а не в окопах и блиндажах на линии Молотова. Так, 5-я и 188-я стрелковые дивизии, корпусные арtpолки, батальон связи корпуса и штаб корпуса располагались в летнем лагере северо-западнее Козловой Руды (45–50 км от границы). 33-я стрелковая дивизия находилась еще на зимних квартирах в городе Мариамполь и Волковышки. Собственно, на линию границы от каждой стрелковой дивизии 16-го корпуса 11-й армии привлекалось по четыре стрелковых батальона, по три батареи полковой артиллерии и по дивизиону артиллерии на конной тяге.

Командир дивизии Иванов П.И.

Генерал-майор Г.Н. Шафаренко из 188-й стрелковой дивизии вспоминал:

«Три батальона дивизии (по одному от стрелкового полка) и один артиллерийский дивизион находились на границе, остальные, как говорят, «занимались по расписанию»... В соответствии с директивой командующего округом... утром 20 июня командир дивизии Иванов П.И. провел совещание командиров частей и приказал им на следующий день провести реко-

гносцировку участков обороны и принять в свое подчинение находящиеся там строительные батальоны.

21 июня командиры полков вместе с небольшими группами офицеров штаба и командирами батальонов занимались рекогносцировкой. В тот же день с оперативной группой офицеров выехал ближе к границе и командир дивизии. Основные силы дивизии по-прежнему оставались в лагерях. Туда же после рекогносцировки поздно вечером вернулись и все офицеры частей, командиры полков остались ночевать на границе... Почти на 40-километровом фронте от Кибартай и южнее до оз. Вишптитис по-прежнему оставалась лишь тонкая цепочка трех батальонов».

Учитывая широкие полосы обороны соединений, такие силы лишь несколько усиливали охрану границы пограничниками. Эта картина была достаточно типичной для Особых округов 22 июня 1941 г.

Столь же типичным для приграничных округов было наличие так называемых «глубинных» соединений, находящихся в процессе выдвижения к границе. В случае Прибалтийского Особого военного округа это были 11, 16, 23, 126 и 183-я стрелковые дивизии, которые совершали переброску или марши из летних лагерей или зимних квартир к границе. Еще одну группу составляли 179, 180, 181, 182, 184 и 185-я стрелковые дивизии, находившиеся в летних лагерях и на зимних квартирах. Они никуда не выдвигались. Здесь уже скорее имела место специфика ПриОВО. Это были соединения, сформированные из дивизий армий прибалтийских государств.

Офицерский состав этих соединений не вызывал у командования Красной армии должного доверия. Начальник штаба 29-го территориального стрелкового корпуса вспоминал: «Незадолго до моего приезда (он прибыл в штаб корпуса 19 июня 1941 г. – А.И.) было арестовано около 300 человек офицерского состава из-за неблагонадежности. Кроме того, по информации особого отдела корпуса, были заготовлены списки на две с лишним тысячи человек сержантского и рядового состава, которые подлежали изъятию из частей корпуса...»

В журнале боевых действий Северо-Западного фронта было прямо сказано: «Сосредоточение войск СЗФ опаздывало на 5–7 суток». Далее эта мысль развивалась: «Главный же вывод для войск СЗФ заключался в том, что немцы при такой группировке имели полную возможность бить наши войска по частям, т. е. в первую очередь части прикрытия 7–8 сд, потом мото-мех. Части – 12 и 3 мк и наконец резервы, которые подходили на 5–7 сутки войны»²². Именно это привело к тому, что действия по плану первой операции («активная оборона против Восточной Пруссии») были для Северо-Западного фронта невыполнимы.

18 июня последовал приказ № 00229 командующего округом Ф.И.Кузнецова о «приведении в боевую готовность театра военных действий». По этому приказу в боевую готовность приводилась ПВО округа, средства связи. Помимо традиционных мер Ф. И. Кузнецов предписывал «создать на телшяйском, шыуляйском, каунаасском и калварийском направлениях подвижные отряды минной противотанковой борьбы. Для этой цели иметь запасы противотанковых мин, возимых автотранспортом. Штат этих отрядов, формируемых за счет саперных частей и выделяемых начальником Автобронетанкового управления автотранспортных средств, разработать и доложить мне 19.6.41 г. Готовность отрядов 21.6.41 г.». Также Ф. И. Кузнецов отдал распоряжение по выдвижению к границе механизированных и стрелковых соединений. В 23.10 16 июня в штаб 12-го механизированного корпуса был доставлен пакет из штаба округа. В 23.00 18 июня соединения и части мехкорпуса выступили в марш, а уже 20 июня вышли в назначенные районы (находившиеся ближе к границе). Также 18 июня был поднят по тревоге и выведен из мест постоянной дислокации 3-й механизированный корпус.

²² ЦАМО РФ, ф. 221, оп. 1351, д. 200, л. 2.

Командир 10-й стрелковой дивизии генерал-майор И. И. Фадеев вспоминал: «19 июня 1941 года, до начала военных действий, было получено распоряжение от командира 10-го стрелкового корпуса генерал-майора И. Ф. Николаева о приведении частей дивизии в боевую готовность. Во исполнение этого приказа все части дивизии были немедленно ночью выведены в свои районы обороны, заняли деревоземляные огневые точки и огневые позиции артиллерии. После этого командиры полков, батальонов, рот на местности проверяли и уточняли боевые задачи согласно ранее разработанному приказу и плану боевых действий дивизии, доводили их до командиров взводов и отделений». Однако при рекордной, даже по меркам армий прикрытия, 80-километровой полосе 10-й стрелковой дивизии эти меры не могли обеспечить устойчивой обороны.

48-я стрелковая дивизия выступила из Риги в 23.00 17 июня. Она должна была полностью сосредоточиться у границы к 23 июня. Однако это было изначально слабое соединение. По состоянию на 21 июня 48-я стрелковая дивизия насчитывала всего 5155 человек. Она содержалась в сокращенном штате мирного времени.

Уже в темноте, около полуночи, в воздух поднялись бомбардировщики эскадры KG1 «Гинденбург». II группа KG1 взлетела из Повундена, а II группа – из Эйхвальде. Они должны были атаковать свои первые цели, аэродромы в Виндаве и Либаве, одновременно с началом артиллерийской подготовки на земле. Германская военная машина была запущена в действие.

Также около полуночи, точнее, в начале первой ночи, 22 июня 1941 г. на исходные позиции были выдвинуты немецкие железнодорожные орудия. Они должны были поддержать огнем натиск танков Гепнера. В полосе наступления XXXXI моторизованного корпуса проходила железная дорога, и странно было бы ее не использовать. В группе армий «Север» было две батареи железнодорожной артиллерии – 690-я и 696-я. Обе вооружались 280-мм орудиями «короткий Бруно» (kurz Bruno). Их дальность стрельбы была «всего» около 14 км, и поэтому потребовалось выдвигать пушки ближе к границе. Часто в описании событий 1941 г. акцентируют внимание на немецких танковых войсках. Однако германская артиллерия тоже внесла заметный вклад в разгром армий советских Особых округов.

22 июня. Черный день календаря

22 июня 1941 г. – это один из самых важных дней не только в советской, но и в русской истории. Более того, по ряду показателей этот день является уникальным для мировой истории войн. В нем в удивительный клубок сплелись и переход от мирной жизни к войне, и тогдашние высокие технологии, и колоссальные масштабы происходивших событий. 22 июня знаменовало собой новую эпоху. Если ранее страны постепенно втягивались в боевые действия, то в первый день войны на советско-германском фронте сразу же вступили в дело крупные массы войск. Такого дня не было в истории Первой мировой войны, или, например, Русско-японской войны, или же Гражданской войны в Испании. Конфликт не разгорался, он сразу вспыхнул ослепительным пламенем до неба. По сути своей на этот молниеносно охвативший границу пожар войны похожи 1 сентября 1939 г. в Польше и начало арабо-израильских войн 1967 г. и 1973 г. Но по своим масштабам эти войны, конечно же, существенно уступают войне СССР с Германией. Еще это был самый длинный день во всех смыслах этого слова. Все это вместе заставляет остановиться на событиях страшного дня 22 июня 1941 г., прислушаться к ним и рассмотреть их в подробностях.

Начинать повествование с происходившего в июне 1941 г. в Прибалтике не только логически оправдано, но и удобно с практической точки зрения. Линии развития сражения между войсками группы армий «Север» и Прибалтийского Особого округа задают некий общий шаблон. Уяснив общую схему действий войск сторон, легче понимать более замысловатые схватки в Белоруссии и в Украине.

Итак, в 3.05 утра берлинского времени 22 июня 1941 г. по всей границе между СССР и Германией загрохотала артиллерийская подготовка. Прибалтика не была исключением, хотя следует признать, что артиллерийская группировка здесь не поражает ни количественно, ни качественно. Тем не менее для громкого и убийственного «концерта» орудий было предостаточно. В журнале боевых действий 1-й танковой дивизии появляется запись: «Небо дрожит от разрывов. Под прикрытием массированного артиллерийского огня батальоны начинают атаку». В истории соединения этот момент описан так: «Еще до того как в 3.45 огонь внезапно умолк, штурмовые группы саперов и стрелков уже ползли к границе. Прижимаясь вплотную к земле, они отодвинули в сторону первые заграждения. Вскоре полетели ручные гранаты, загремели связанные и сосредоточенные заряды. Предраассветные сумерки снова наполнились вспышками от палящего оружия всех калибров»²³. Война Германии против Советского Союза началась. На приморском фланге немцы нацеливались прежде всего на быстрый прорыв к Либаве вдоль побережья Балтийского моря.

Нет ничего удивительного в том, что столь же ярким и запоминающимся первый день войны стал для солдат и командиров Красной армии. Приближение войны чувствовали, к ней готовились. В тот первый день еще никто не знал, что впереди ждут тяжелые поражения, отступление до Москвы, Ленинграда и даже Волги. В журнале боевых действий 8-й армии начало войны описано живо, даже поэтично: «В 4.20 оперативный дежурный майор Андрищенко вбежал в блиндаж оперативного отдела и взволнованным голосом объявил: «На всей границе немцы начали артиллерийскую подготовку». Одновременно с этим начальник штаба 8-й армии генерал-майор Ларионов разговаривал по телефону с к-ром 11 ск генерал-майором Шумиловым; последний докладывал, что немцы усиленно обстреливают Тауроген, частям приказано выдвинуться в свои районы. Артподготовка началась ровно в 4.00»²⁴.

²³ Stoves Rolf, 1. Panzer-Division 1935–1945. Chronik einer der drei Stamm-Divisionen der deutschen Panzerwaffe, Podzun, 1962, S. 185. Перевод дается по статье Анатолия Хаеца «Пять дней до оккупации Жеймялиса: 22–26 июня 1941 года».

²⁴ ЦАМО РФ, ф. 344, оп. 5554, д. 85, л. 2.

Любопытно отметить, что немцы записали начало артподготовки в 3.05 берлинского времени, т. е. в 4.05 московского времени. Советская же сторона записывает начало артподготовки на 4.00 ровно. Здесь хорошо видна разница между нападающим и обороняющимся. Немецкие солдаты и командиры поминутно смотрели на циферблаты часов и нетерпеливо ждали, когда стрелки покажут заветные пять минут четвертого. Командиры Красной армии слышали грохот канонады и, глянув на часы, мысленно вычли несколько минут – первые залпы показались им вечностью. Столь же настойчиво в советских документах отмечается длительность немецкой артподготовки. В журнале боевых действий 11-го стрелкового корпуса указывалось: «Артподготовка по переднему краю продолжалась в течение 3,5 часа»²⁵. На самом деле даже на направлении главного удара 4-й танковой группы она была достаточно короткой.

Однако обо всем по порядку. На правом фланге советско-германского фронта приняла бой 10-я стрелковая дивизия генерал-майора И. И. Фадеева. 80-километровая полоса ее обороны примыкала к Балтийскому морю. Соседство с морем стало роковым для 1-го батальона 62-го полка дивизии. Батальон, поддержанный одним артдивизионом, был прижат к морю в районе Паланги. Небольшой курортный городок стал ареной одного из первых и страшных боев войны. Сражение за Палангу началось в 6.00, а к 11.00 окруженный батальон потерял половину своего состава. К полудню закончились снаряды у артдивизиона, орудия пришлось бросить, предварительно сняв и закопав затворы. Исчерпав возможности к сопротивлению, артиллеристы и пехотинцы попытались прорваться к своим. Удалось это лишь немногим.

Наступавшая на приморском фланге 18-й армии 291-я пехотная дивизия генерала Герцога быстро продвигалась вперед. Ее главной целью был не разгром оборонявшихся на границе частей, а порт Лиепая. Не обращая внимания на фланги, 505-й полк дивизии Герцога устремился на север. В первый день войны он прошел 65 км – весьма впечатляющий результат с любой точки зрения. История Лиепая заслуживает отдельного описания, и мы вернемся к ней немного позже.

Ввиду чрезмерно широкого фронта обороны оборона 10-й стрелковой дивизии была крайне разреженной. Вкупе с относительной внезапностью нападения это привело к быстрому распаду ее обороны. 61-я пехотная дивизия захватила неповрежденным мост через р. Миния в Гаргждай и стремительно продвигалась вперед. На подступах к городку Куляй произошло еще одно сражение на окружение, «котел» под Палангой, к сожалению, не стал единственным в своем роде. В центре построения дивизии генерала Фадеева уже в первые часы войны был окружен батальон 204-го стрелкового полка вместе с одним артдивизионом. Впрочем, здесь все завершилось относительно благополучно. Начальник управления политпропаганды Северо-Западного фронта бригадный комиссар Рябчий позднее даже приводил этот эпизод в качестве положительного примера: «204 сп 10 сд в районе Кулей был окружен, но умелым энергичным ударом он пробил в кольцо врага брешь и вышел из окружения, сохранив всю материальную часть»²⁶. Для удержания позиций на правом фланге 8-й армии командованием принимались чрезвычайные меры. Так, из батальонов, работавших на строительстве укреплений на границе, было вооружено около 800 человек. Этот отряд был подчинен командиру 10-й стрелковой дивизии и занял оборону по р. Миния юго-западнее города Плунге.

Уже в этих первых схватках на приморском фланге проявилась общая для всего советско-германского фронта тенденция. Даже на вспомогательных для немцев направлениях советские войска были слабы и терпели поражение. Просто ввиду растянутости фронта стоявших на границе дивизий. Это заставляло Верховное командование растрачивать ресурс ценнейших механизированных соединений не только на направлении главного удара противника, но и на сугубо второстепенных участках. Хотя бы для того, чтобы фронт здесь не рассыпался вовсе.

²⁵ ЦАМО РФ, ф. 833, оп. 1, д. 6, л. 5.

²⁶ ВИЖ. № 7. 1989. С. 22.

Относительная тишина была лишь на левом фланге 10-й стрелковой дивизии. Несмотря на то что германские войска утром 22 июня перешли границу с СССР практически на всем ее протяжении, нажим атакующих не был равномерным по всему фронту. Невозможно быть везде одинаково сильным. Достаточно четко выделялись направления главных и вспомогательных ударов. Главный удар группы армий «Север» наносился на шауляйском направлении (об этом будет рассказано ниже). Вспомогательный удар 18-й армии пришелся на приморский участок фронта. Между главным и вспомогательным ударами была перемычка, прикрытая лишь отдельными отрядами. Как написал историограф группы армий «Север» Гаупт, «стык между I и XXVI армейскими корпусами обеспечивал 374-й пехотный полк (207-й охранной дивизии). Полк шестью усиленными штурмовыми отрядами перешел границу, чтобы отвлечь русских от направления главного удара». Со стороны I армейского корпуса 6-километровую «полосу бездействия» прикрывал разведывательный отряд 11-й пехотной дивизии.

Левым соседом 10-й стрелковой дивизии была 90-я стрелковая дивизия полковника М. И. Голубева. По сравнению с ненормально широким фронтом своего соседа она занимала более узкую полосу – 30 км. Однако эта полоса все равно в три раза превышала уставную норму. Попадание части участка обороны дивизии в «полосу бездействия» между двумя немецкими корпусами ненамного облегчало ее участь. На растянутую оборону на левом фланге дивизии полковника Голубева навалились сразу две пехотные дивизии противника. Для сравнения: атакующая ее 11-я пехотная дивизия (левое крыло I армейского корпуса) имела полосу наступления шириной всего около 2 км. Неблагоприятное для Красной армии соотношение сил быстро стало очевидным для противника. В истории 11-й пехотной дивизии первые часы войны оцениваются с энтузиазмом: «Силы противника были слабыми, наступление развивалось хорошо, и дивизия захватила переправы через Юру в неповрежденном состоянии».

По советским данным, бои на рубеже р. Юра начались уже в 8.30 утра 22 июня. Как отмечалось в истории той же 11-й пехотной дивизии, «оборонительные сооружения на Юре были в незавершенном состоянии, и на организованное сопротивление поначалу не рассчитывали. Наступление осложнялось беспокоящим огнем русской артиллерии, которая с помощью отдельных дальнобойных орудий, прикрепленных к тягачам, по карте обстреливала важные точки маршрута»²⁷.

Скорее всего, это была артиллерия 90-й стрелковой дивизии, заранее подготовившая данные для стрельбы. В 12.00 22 июня в оперсводке 10-го стрелкового корпуса прозвучали слова: «На фронте 90 сд действует до двух ПД и одного танкового полка, имеются моточасти»²⁸. Оценка эта была достаточно реалистичной, за исключением «танкового полка». Тема танков получила продолжение, в той же сводке указывалось: «Установлено большое скопление танков и мотоциклистов в районах 1) в лесу юж. м. Дидкемис, 2) в р-не Тринопис (3 км ю.-з. Пограмантис)»²⁹. Причем в этом месте в документе есть приписка карандашом: «Дважды подтверждено скопление танков». Скорее всего, в качестве «танков» выступил 185-й батальон штурмовых орудий, приданный I армейскому корпусу.

В действительности крупные массы немецких танков были на соседнем участке, на шауляйском направлении. Довольно часто можно встретить утверждение, что катастрофы летом 1941 г. можно было бы легко избежать, если бы 20–21 июня из Москвы последовал приказ армиям прикрытия привести войска в боевую готовность и занять оборону в УРах. Однако у нас есть прекрасный пример того, как развивались бы события, если бы соединения первого эшелона во всех армиях прикрытия все же встретили агрессора на позициях на границе. Это боевые действия в полосе 125-й стрелковой дивизии 8-й армии Северо-Западного фронта.

²⁷ Buxa W. Weg und Schicksal der 11. Infanterie-Division. Podzun, 1952. S.

²⁸ ЦАМО РФ, ф. 344, оп. 5554, д. 71, л. 34.

²⁹ ЦАМО РФ, ф. 344, оп. 5554, д. 71, л. 53.

Можно даже сказать, что перед нами даже несколько идеализированный вариант расположения соединения Красной армии на границе. 125-я дивизия мало того, что заблаговременно села в укрепления, но еще и заняла позиции в глубине. Непосредственно на границе было лишь боевое охранение. Соответственно у обороняющегося была небольшая, но ощутимая фора по времени, за которое противник проходит предполье. Комплектность 125-й стрелковой дивизии была, по меркам 1941 г., хорошая. На 21 июня она насчитывала 10 522 человека. В дивизии было много самозарядок Токарева – в соединении имелось 8190 обычных винтовок и 3630 самозарядных. Помимо этого, дивизия располагала 813 пистолетами-пулеметами ППД. Такой высокий уровень оснащения автоматическим оружием был редкостью даже в армиях приграничных округов. Разница в количестве единиц стрелкового оружия и численности личного состава дивизии, очевидно, объясняется наличием запаса для вооружения призываемых по мобилизации. Артиллерией соединение было укомплектовано практически по штату. Одним словом, 125-я стрелковая дивизия генерал-майора П. П. Богайчука была крепкой боевой единицей даже с учетом ее неотмобилизованности.

Дивизия генерала Богайчука строила оборону в два эшелона: 657-й стрелковый полк занимал оборону юго-восточнее Таураге на участке 12 км, 466-й полк – северо-западнее Таураге на участке шириной 13 км, 149-й полк находился в резерве командира дивизии и был сосредоточен в районе севернее Таураге. Таким образом, полки получили полосу обороны, полагающуюся по уставу для всей дивизии. Напомню, что согласно проекту Полевого устава 1939 г. (ПУ-39), «на нормальном фронте стрелковая дивизия может успешно оборонять полосу шириной по фронту 8 – 12 км и в глубину 4–6 км; стрелковый полк – участок по фронту 3–5 км и в глубину 2,5–3 км». Здесь следует заметить, что уставные плотности обороны не берутся с потолка. Они являются производной от технических возможностей оружия соединения, а также маршевых возможностей ее подразделений.

Противник у 125-й стрелковой дивизии 22 июня был куда более серьезный, чем у соседа справа, – соединение находилось в полосе наступления XXXXI моторизованного корпуса 4-й танковой группы. Пользуясь своей подвижностью, немецкие танковые и моторизованные части вышли на исходные позиции в последний момент перед началом кампании. В ночь на 22 июня 1-я и 6-я танковые дивизии XXXXI корпуса пересекли Неман и к 3.00 подошли к границе. Советской разведкой, если опираться на разведсводки Прибалтийского военного округа, группировка механизированных частей противника вскрыта не была. Впоследствии это станет типичной ситуацией для начального периода войны. Немецкие механизированные соединения раз за разом форсированными маршами выходили в новый район сосредоточения и наносили сокрушительный удар. Советская разведка не успевала отслеживать эти перемещения, а советское командование, соответственно, реагировать на них. По такому сценарию впоследствии развивалась катастрофа Юго-Западного фронта под Киевом в сентябре 1941 г., Западного и Брянского фронтов на дальних подступах к Москве в октябре 1941 г. В первый день войны произошла генеральная репетиция будущих прорывов. Две немецкие танковые дивизии атаковали с марша после короткой, 5-минутной, артиллерийской подготовки по выявленным целям на советской территории.

Непосредственно вдоль шоссе на Шауляй наносила удар 1-я танковая дивизия. Использование крупного шоссе в качестве оси наступления было типичным решением для немецких «блицкригов». Также традиционно для немецкой практики боевых действий 1-я танковая дивизия была разбита на боевые группы, наступавшие по параллельным маршрутам. Первая, так называемая боевая группа Вестховена, была «мотопехотной». Она строилась вокруг мотопехотного полка, и ей была придана всего рота танков. Соответственно вторая группа была «танковой». Она называлась боевой группой Крюгера и объединяла танковый и мотопехотный полки. Лидером каждой боевой группы была «бронегруппа» из танков и батальона на БТР. Только в одном случае это была рота (18 машин), а в другом – почти два батальона. Впереди

группы Крюгера наступала ударная группа Кнопфа (37-й саперный батальон). Саперы расчищали дорогу танкам. Инженерное обеспечение действий танков стало одним из «ноу хау» Второй мировой. В Красной армии оно было отлажено во второй половине войны.

Момент внезапности было решено использовать по максимуму. Крюгером был сформирован передовой отряд из 10 Pz.III, 2 Pz.IV, мотопехоты на 16 БТРах, двух самоходных 20-мм зенитных автоматов и батареи легких гаубиц. Он начал наступление уже в 3.00 берлинского времени. Отряд быстро прорвался через реку Юру благодаря найденному броду у деревни Дабкишки, к западу от Таураге.

На преодоление предполья 1-я танковая дивизия затратила примерно два часа. Выделенные для обороны предполья советские стрелковые роты были окружены и упорно бились в полной изоляции. Одним из преимуществ, которое было у немцев в первый день войны, являлась возможность наступать вместе с пехотой. В дальнейшем моторизованные корпуса вырывались на оперативный простор, оставляя пехотные дивизии далеко позади. 22 июня 1-й танковой дивизии был подчинен 489-й пехотный полк. Это усиливало пехотное звено ударной группировки 4-й танковой группы, снимая нагрузку с ценнейшей мотопехоты и избавляя от потерь. Около 5.00 утра берлинского времени 489-й пехотный полк вышел на окраину пограничного города Таураге.

Город уже был подготовлен к штурму мощным ударом немецкой артиллерии. Генерал-лейтенант В. Ф. Зотов, находившийся в начале войны в Таураге, вспоминал: «В 4.00³⁰ 22 июня мы были разбужены взрывами артснарядов... От взрыва первых же снарядов загорелся дом, где размещался штаб 125-й стрелковой дивизии... Город обстреливался ураганным огнем вражеской артиллерии. Зная, что в городе постройки в основном деревянные, враг вел огонь главным образом зажигательными снарядами, вследствие этого через 15–20 минут после начала артиллерийского обстрела город горел».

Шоссейный мост через реку Юра был взорван, однако в руки наступающих немцев попадает неповрежденным железнодорожный мост. Он используется для переправы 489-го пехотного полка. Всего в районе Таураге немцам удалось с ходу захватить неповрежденными два из трех мостов через реку. Дивизия П. П. Богайчука принимает бой и сразу оказывает ожесточенное сопротивление. В журнале боевых действий XXXXI корпуса отмечается: «06.50 – боевая группа Вестховена (1-я тд) захватывает после тяжелого кровопролитного боя разрушенный шоссе́йный мост через Юру и формирует небольшой плацдарм в южной части Таурогена. Наступающие на Тауроген силы попали под сильный артобстрел – всего установлено присутствие 13 вражеских батарей – и были многократно атакованы вражеской авиацией»³¹.

Преодолев крутые берега реки Юры на БТРах, группа Вестховена ворвалась в город. Сражение за Таураге вылилось в напряженные уличные бои. В ЖБД 1-й танковой дивизии подчеркивалось: «Враг сражается упорно и ожесточенно». Уже в 11.00 берлинского времени для поддержки штурмующих Таураге боевых групп была подтянута тяжелая артиллерия. С советской стороны город оборонял 657-й стрелковый полк майора С. К. Георгиевского. Немцам удалось взять Таураге под свой контроль к 16.00 22 июня. Окончательная зачистка города была поручена пехотному полку. До поздней ночи в городе шли бои за каждый дом и каждый перекресток. Немецкая пехота прокладывала себе дорогу вперед с помощью огнеметов и подрывных зарядов. Только к полуночи оборонявшие Таураге советские части были оттеснены на северо-восточные окраины города. Тем не менее следует признать, что «Сталинградом» он не стал. Взорванный шоссе́йный мост через Юру был во второй половине дня исправлен саперами. Наступление подвижных частей дивизии Кирхнера продолжалось. После полуночи группа Вестховена продвинулась на 10 км к северо-востоку от Таураге.

³⁰ Снова 4.00, за пять минут до начала немецкой артподготовки. – *Прим. автора.*

³¹ NARA T314 R979 fССЫЛКУ.

«Танковая» боевая группа 1-й танковой дивизии (Крюгера) должна была наступать проселочными дорогами параллельно шоссе на Шауляй. В этой боевой группе была сосредоточена основная масса танков соединения. Разделение боевых групп между несколькими маршрутами позволяло эффективнее использовать имеющиеся силы. Если одна боевая группа застревала, то продвижение второй и угроза тылу могли заставить противника отходить. Также успешнее наступавшая боевая группа могла нанести удар во фланг и тыл обороне перед фронтом своего соседа. Успешные действия передового отряда ранним утром 22 июня обеспечили прорыв основной массы боевой группы Крюгера в глубину советской обороны.

Однако нельзя сказать, что этот прорыв стал для немцев легкой прогулкой. В ЖБД XXXXI корпуса отмечается: «Сильный огонь вражеской артиллерии на всем фронте 1-й тд, левое крыло атакуют вражеские танки»³². «Левое крыло» – это как раз группа Крюгера. Что это были за танки – остается только гадать. Возможно, за танки были приняты броневики 125-й стрелковой дивизии. Не исключено, что к границе был выброшен с целью прояснения обстановки отряд из 202-й моторизованной дивизии. Приказ на ведение разведки у нее был. Сохранившиеся документы советской стороны ничего не говорят о каких-либо танковых атаках, предпринятых 22 июня. Вообще, одной из проблем изучения событий 1941 г. является плохая сохранность документов частей Особых округов. О реальных подвигах советских пехотинцев, артиллеристов и танкистов приходится узнавать из немецких «кригстагебухов»³³ и «гешихтов»³⁴.

Главные силы группы Крюгера подошли к Юре к 12.00 22 июня. По пути им пришлось разминировать минные поля и преодолевать бетонные пограничные укрепления. Для их штурма были задействованы мотопехота и часть танков. Однако Крюгер не стал дожидаться ликвидации всех оставшихся очагов сопротивления в УРе на границе. Бронегруппа из батальона мотопехоты на БТРах и танков устремилась дальше в глубину советской обороны, к шоссе Таураге – Шауляй.

К концу дня боевая группа Крюгера продвинулась довольно далеко вперед по шоссе на Шауляй. Части 125-й стрелковой дивизии на этом направлении были оттеснены в леса к северу от Таураге. Как мы видим, даже занявшая полноценные позиции 125-я стрелковая дивизия не сумела их удержать. Растянутость соединения по широкому фронту сделала свое дело. Это было очевидно уже тогда. Командование 125-й дивизии, оценивая результаты первого дня боев, отмечало: «Первоначальный успех противника на фронте дивизии (противник продвинулся за день на 12 км) объясняется его численным превосходством и тем, что дивизия вела бои на 40-километровом фронте. У нас не было танков, не хватало средств ПТО и транспорта для подвозки боеприпасов. Было мало ручных гранат»³⁵. На всякий случай отмечу, что к началу войны в дивизии был полный комплект штатных противотанковых орудий – 54 пушки калибром 45 мм. Дело тут, скорее, в технических возможностях «сорокапяток» поражать новые немецкие танки 1-й танковой дивизии. Артиллерии 125-й стрелковой дивизии, по немецким данным, были нанесены тяжелые потери уже в первый день войны. В журнале боевых действий 1-й танковой дивизии указывалось: «Установлено, что перед дивизией находился 466-й сп русской 125-й сд. Артиллерия этой дивизии, скорее всего, ликвидирована. 9 батарей уничтожено в бою, 5 – танками. В лесах северо-восточнее Таурогеа захвачено много транспорта и орудий».

К слову сказать, у 125-й стрелковой дивизии была даже поддержка авиации. В район Таураге летал 40-й авиаполк скоростных бомбардировщиков 6-й САД. Однако эти налеты не впечатлили противника. Относительно обстановки в воздухе в первый день войны отзыв коман-

³² NARA T314 R979 fССЫЛКУ.

³³ КТВ – журнал боевых действий.

³⁴ Истории соединений. Почти по каждой немецкой дивизии после войны вышла книга с описанием ее боевого пути, часто написанная на документальной основе. Авторами были ветераны и даже командиры соединений.

³⁵ Страшная цена победы. С. 261.

дования 1-й танковой дивизии был краток: «Наше истребительное прикрытие эффективно, отдельные бессистемные бомбежки со стороны русских».

Впрочем, нельзя не отметить, что взлом обороны своевременно занявшей оборону советской стрелковой дивизии довольно дорого стоил немцам. 1-я танковая дивизия потеряла 22 июня 1941 г. 313 человек убитыми и ранеными и 34 человека пропавшими без вести. Это стало своего рода рекордом в летней кампании. В ЖБД XXXXI корпуса по итогам дня 22 июня было прямо сказано – «потери превышают нормальный уровень».

Справа от 1-й танковой дивизии атаковала 6-я танковая дивизия того же XXXXI моторизованного корпуса. Она также была выдвинута к границе в ночь на 22 июня и перешла в наступление с марша. Достаточно часто немцы предпочитали ставить танковые дивизии одного корпуса в затылок друг другу, двигаясь по одной хорошей дороге. Такие примеры мы увидим далее, в Белоруссии и Украине. Однако время от времени германские генералы выбирали наступление по двум неравноценным маршрутам, с использованием ударной мощи сразу двух дивизий. Именно по такому сценарию была использована 6-я танковая дивизия в первые дни войны с СССР. В ее распоряжении не было крупных шоссе, дивизия двигалась по проселкам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.